К ПРОБЛЕМЕ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

С. М. КАШТАНОВ

Изучение истории образования и укрепления централизованного государства в России, ведущееся советскими исследователями уже давно, получило в последнее время несколько новую направленность, знаменующую дальнейшее углубление и переосмысление этой проблемы. Во-первых, поставлен и решается вопрос о центростремительных силах в экономике и политике русских земель, присоединявшихся к Московскому великому княжеству (работы А. П. Пронштейна и Н. Н. Масленниковой), во-вторых, на расширенной источниковедческой базе внимательно исследуется история центральных учреждений России середины и второй половины XVI в. (работы П. А. Садикова, М. Н. Тихомирова, А. А. Зимина, С. О. Шмидта, А. В. Чернова,

В. И. Буганова и др.). Наконец, книгой Н. Е. Носова[1] начат обстоятельный анализ процесса складывания местных органов централизованного аппарата насилия в образовавшемся едином государстве.

Введя в научный оборот большой комплекс источников, в том числе архивных и опубликованных в редких изданиях (типа губернских ведомостей и т. п.), Н. Е. Носов создал монографию, служащую исходной базой для дальнейшего изучения истории местного управления в первой половине XVI в. В своем исследовании некоторых сторон местных реформ первой половины XVI в., оставшихся вне сферы внимания Н. Е. Носова, мы опираемся как на материал его книги, так и на ряд дополнительных источников (в основном жалованных и указных грамот), в частности архивных.

* * *

Н. Е. Носов правильно выделил в качестве предмета исследования два действительно решающих момента в истории местного управления в России первой половины XVI в.— возникновение института городовых приказчиков и создание так называемых губных органов. Оба эти института были по существу первой широкой формой организации дворянского аппарата местного управления, вызванной экономическим ростом дворянства, усилившимся закрепощением крестьян и обострением классовой борьбы в городе и деревне[2].

В ряду факторов, стимулировавших возникновение института городовых приказчиков, Н. Е. Носов верно указал, во-первых, на укрепление великокняжеской власти в городах, во-вторых, на общие сдвиги в административно-финансовой системе страны в конце XV — начале XVI в. Интересно предположение Н. Е. Носова о преемственности городовых приказчиков от городчиков второй половины XV в.[3]. Впрочем, трактовка автором проблемы происхождения городовых приказчиков в значительной мере спорна.

Взяв данные за всю первую половину и 50-е годы XVI в., Н. Е. Носов отметил наличие городовых приказчиков в 64 городах в «самых различных районах Русского государства»[4]. Подавляющее большинство этих данных относится к середине XVI в. (конец 30-х — 50-е годы) и в суммарном виде не объясняет, как развивался институт городовых приказчиков с момента своего возникновения в начале XVI в. до второй половины столетия.

Документы различают «городовых приказщиков» и просто «приказщиков». Выражение «приказщики городовые» было для XVI в. совершенно новым термином, в то время как слово «приказщики» формально еще не выделяло новую категорию «приказщиков» из широкого круга различных ранее существовавших приказчиков — дворцовых, монастырских, частно-вотчинных и др. Обе рассматриваемые разновидности приказчиков стали упоминаться в источниках одновременно — с 1514/15 г. Термин «приказчики» в применении к вновь возникавшему институту местного управления просуществовал очень недолго, в основном до второй трети XVI в., и был вытеснен выражением «городовые приказщики». Следовательно, оба термина отражают образование новой системы местного аппарата в первой трети XVI в. Употребление формулы «городовые приказщики» свидетельствует уже об установлении нового института с более или менее определенной компетенцией.

В хронологической последовательности, с которой источники упоминают «приказщиков» (в новом значении) и «городовых приказщиков», обнаруживается определенная закономерность. Сведения о приказчиках первой трети XVI в. сохранились в основном в жалованных и указных грамотах. Очевидно расхождения между датой грамоты и

---

[1] Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века, М.— Л., 1957.

[2] В вышедшей в 1956 г. статье Дж. Кипа, посвященной губному управлению в XVI—XVII вв., совершенно игнорируется классовая сущность губной реформы, которая якобы отвечала интересам народа, пока губные органы не обюрократились в XVII в. (J. L. H. Keep. Bandits and the Law in Muscovy. «The Slavonic and East European Review», vol. 34, № 84, dec. 1956, London, pp. 201—222). Статья Кипа в значительной мере повторяет материалы и выводы книги С. А. Шумакова о губных грамотах, опубликованной еще в 1895 г.

[3] Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 36—45.

[4] Там же, стр. 58.

временем установления института приказчиков в уезде, которого касается грамота, должны быть невелики [5].

Проследим употребление в великокняжеских грамотах термина «городовые приказщики». Самые ранние сведения о городовых приказчиках, датирующиеся февралем 1515 г., содержатся в двух жалованных грамотах Иосифо-Волоколамскому монастырю [6], утверждавших суверенитет центрального правительства в пределах территории, которая являлась окраинной частью Волоцкого удельного княжества (Кличенская волость Ржевского уезда и земли в Горецком стане Тверского уезда). Волоцкий удел был присоединен незадолго до выдачи этих грамот, в 1513—1514 гг., и вокруг проблемы волоцкого наследства разгорелась острая политическая борьба. На волоцкую половину Ржевского уезда, видимо, претендовал князь Дмитрий Углицкий, обладавший второй половиной Ржевского уезда, а вымороченного волоцкого наследства в Тверском уезде добивался Андрей, лишенный тогда Василием III своего «законного» (по духовной Ивана III) удела — Старицы в Тверской земле. Введение здесь городовых приказчиков преследовало вполне определенные цели — укрепление великокняжеских позиций на недавно присоединенной территории, ставшей объектом удельнокняжеских притязаний. Дальнейшие упоминания о городовых приказчиках 10-х годов XVI в. находятся в двух грамотах, относящихся все к тому же узкому кругу земель в пределах бывшего Волоцкого удела. Декабрьская грамота 1517 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю на земли в Горецком стане Тверского уезда и смежных с ним Клинском и Волоцком уездах [7] возникла в обстановке, когда снова со всей остротой встал вопрос о территориальных правах других удельных князей. Клинско-тверские земли входили в сферу притязаний Андрея, который в декабре 1517 г. настойчиво стремился получить Старицу [8]. Грамота сходного содержания и с той же статьей относительно городовых приказчиков была выдана Василием III 1 ноября 1518 г. Клинской Изосиминой пустыни на сельца и деревни в Тверском и Клинском уездах [9]. Появление этой грамоты связано с попытками нейтрализации удельнокняжеских претензий в отношении вымороченного наследства волоцких князей в районах Твери, Клина, Ржевы. В октябре 1518 г. щедрую тарханно-несудимую грамоту, близкую по форме и содержанию к волоколамским и изосиминской грамотам, приобрел старицкий Селижаров монастырь на ржевские земли, данные ему «по князь Федоре Борисовиче» (Волоцком) [10]. Дело в том, что в октябре 1518 г. позиции Андрея Старицкого в этих районах резко усилились вследствие перехода в его руки завещанных ему уделов — Старицы и др. [11].

Следовательно, оформление института городовых приказчиков началось с введения их в Тверской земле и было тесно связано с процессом преодоления феодальной раздробленности. Довольно скудные сведения, касающиеся великокняжеских городовых приказчиков 20-х годов XVI в., тоже имеют прямое отношение к истории борьбы против удельнокняжеских притязаний. Известие о существовании весной 1520 г. го-

---

[5] При исследовании учитываются другие синхронные факты политической истории соответствующих районов государства.

[6] «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.», ч. II, М.—Л., 1956, № 62—63 (далее АФЗ и Х).

[7] Там же, № 79.

[8] Не случайно в специальных грамотах, появившихся в декабре 1517 г., закреплялось подданство великому князю Старицы и старицких волостей. (А. Юшков. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества, ч. 1, 1257—1613 гг., М., 1898, № 104; АФЗ и Х, ч. II, № 80).

[9] Леонид. Клинская Изосименская пустынь и ее акты. «Чтения ОИДР», 1876, кн. II, отд. V, Смесь, стр 87—91.

[10] «Памятная книжка Тверской губернии на 1868 г.», Тверь, 1868, стр. 287—290.

[11] Семен Калужский умер 26 июня 1518 г., после чего долго откладывать с отдачей удела Андрею стало уже невозможно. В середине сентября 1518 г. Василий III ездил «на потеху» в область Волока Ламского и вернулся в Москву на Дмитриев день (ПСРЛ, т. XX, первая половина, стр. 397). В это время, скорее всего в октябре 1518 г., и состоялась передача Андрею Старицкому его удела — Старицы, Вереи, Вышегорода, Алексина «со всеми волостьми» (ПСРЛ, т. VI, стр. 262—263). Права Андрея как удельного князя укрепились в 20-х годах XVI в., после смерти Дмитрия Углицкого. В актах первые сведения о получении удела Андреем относятся к 1524 г. (см. С. М. Каштанов. Из истории последних уделов. «Тр. МГИАИ», т. 10, М., 1957, стр. 297).

родового приказчика в Козельском уезде (Серенске) [12] — ясное свидетельство того, что после смерти в 1518 г. Семена Ивановича Козельск, числившийся в его уделе и ставший предметом претензий Дмитрия Углицкого, оказался в очень сложном политическом положении. Документ 1520 г., упоминающий городового приказчика, характеризует прямой конфликт между великокняжескими детьми боярскими Козельского и Воротынского уездов, с одной стороны, и жителями соседнего Месческа, находившегося в уделе у Дмитрия Углицкого, с другой. Укрепление рядом с Месческом позиций великокняжеского правительства было неотложной задачей, а введение городового приказчика было одним из способов ее успешного решения. Февральская грамота 1521 г., адресованная вологодскому городовому приказчику [13], появилась в месяц смерти Дмитрия Углицкого, когда Андрей Старицкий возобновил свои домогательства в отношении удельных территорий (его притязания на Вологду в дальнейшем определенно прослеживаются по актам).

Возможно, в середине 20-х годов XVI в. возник институт городовых приказчиков в Зубцовском уезде, входившем до 1521 г. в состав княжества Дмитрия Углицкого и близком к Старице. Городовые приказчики упомянуты в жалованной грамоте 1527 г. на волоцкие и зубцовские вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря [14]. Обеспокоенное активизацией Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого центральное правительство стремилось укрепить местный аппарат власти в вымороченных уделах, соседних с территорией действующих уделов. Учреждение городовых приказчиков (очевидно в середине 20-х годов XVI в.) в Соли Вычегодской, известное из грамоты 1525 г. [15], было обусловлено ликвидацией, в связи с разводом Василия III с Соломонией, Сольвычегодского «удела» великой княгини, управлявшегося, судя по грамоте 1510 г., ее специальными агентами [16].

При обращении к удельнокняжеским грамотам первой трети XVI в. сведения о городовых приказчиках можно найти в грамотах Юрия Дмитровского, где термин «городовые приказщики» начинает фигурировать с февраля 1526 г. Из всех уездов Дмитровского удела (Дмитров, Кашин, Руза, Звенигород) городовые приказчики раньше всего появились в Дмитрове. Введение городовых приказчиков в Дмитрове относится, скорее всего, к 1525 — январю 1526 г. [17], когда в связи с разводом и вторым браком Василия III, имевшим большое политическое значение, резко обострилась вражда между великим князем и Юрием. Укрепляя союз с переславль-залесскими феодалами, Василий III угрожал в это время Дмитровскому уезду со стороны Переславля. В учреждении Юрием городовых приказчиков в Дмитрове отразилось использование в удельнокняжеской политике великокняжеского метода усиления местной власти в уезде. О «городовых приказщиках» в Кашинском уезде речь идет впервые в июньской грамоте 1531 г. Калязину монастырю [18]. В аналогичной формуле калязинской грамоты 1527 г. названы еще даньщики [19]. Политической предпосылкой создания этого института в Кашине послужило обострение противоречий между Василием III и Юрием в начале 30-х годов XVI в. [20].

Проследив историю введения городовых приказчиков в первой трети XVI в., мы убеждаемся, что сохранившиеся документы вскрывают вполне ясную тенденцию. В связи с этим кажутся недоказанными применительно к первой трети XVI в. два вывода Н. Е. Носова: во-первых, о всеобщем характере распространения городовых приказчиков, во-вторых, о решающем значении внешнего фактора для учреждения института городовых приказчиков на Руси в XVI в. [21]. Н. Е. Носов уделяет немало места пересказу летописных известий относительно татарских набегов на Русь и строи-

[12] РИБ, т. II, № 84.
[13] ЛОИИ, Собр. Головина, № 48.
[14] АФЗ и Х, ч. II, № 103.
[15] «Сборник бумаг Щукина», вып. III, М., 1904, стр. 12.
[16] Амвросий. История российской иерархии, ч. III, М., 1811, стр. 316.
[17] В дмитровской грамоте 1522 г. их еще нет (АФЗ и Х, ч. I, М.— Л., 1951, № 92), в февральской грамоте 1526 г. они — уже действующие лица местного управления (ЛОИИ, Собр. Головина, № 52; ГБЛ, Архив Троице-Сергиевской Лавры (далее Тр.), кн. 527, № 98).
[18] ЦГАДА, ГКЭ, № 6717; см. также «Русский вестник», 1841, т. 3, кн. 9, стр. 680
[19] ЦГАДА, ГКЭ, № 6712.
[20] С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 299—300.
[21] Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 66, 76.

тельства оборонных сооружений в русских городах[22]. При просмотре же материала первой трети XVI в. оказывается, что городовые приказчики были введены в основном в уездах, вообще не подвергавшихся в это время татарским набегам (Ржевский, Клинский, Тверской, Волоколамский, Зубцовский, Дмитровский, Кашинский, Соль Вычегодская). Вместе с тем у нас почти нет сведений об учреждении городовых приказчиков в городах, которые в первой трети XVI в. действительно страдали от татарской агрессии (Путивль, Коломна, Рязань, Нижний Новгрод)[23]. В отдельных стратегически важных центрах ответственность за городовое дело лежала на наместниках, а не на городовых приказчиках[24].

Имеющиеся источники позволяют рассматривать городовых приказчиков первой трети XVI в. в качестве политического института, преследовавшего цели окончательного укрепления великокняжеской власти на присоединенных удельнокняжеских территориях. Крайне интересно, что первые городовые приказчики появились именно там, где были городчики. Н. Е. Носов склонен считать городчиков общероссийским институтом. Изучение статьи жалованных грамот о городчиковых пошлинах уже дало нам возможность подчеркнуть территориальную ограниченность распространения городчиков[25]. Городчики имелись в удельных центрах: Дмитрове, Верее, Старице, Волоколамске, Ржеве, Костроме, Вологде. В начале XVI в. городчики были введены в некоторых присоединенных городах севера — в Яме, Пскове[26]. Проблема происхождения городчиков не исследована в нашей литературе. Надо полагать, что этот институт возник по великокняжеской, а не по удельнокняжеской инициативе. Существование городчиков во второй половине XV в. вызывалось необходимостью усиления великокняжеских позиций в присоединенных или подчиненных Москве удельных центрах для борьбы за ликвидацию независимости порубежной с ними Твери и Новгородской феодальной республики. В функциональном отношении городовые приказчики, очевидно, значительно отличались от городчиков, так как они с самого своего возникновения заведовали всей совокупностью «дел» великого князя на местах, в то время как городчики, будучи крепостными комендантами, не распространяли свою компетенцию дальше собственно городового дела. Это качественно новое положение городовых приказчиков явилось следствием дальнейшей централизации государства: если во второй половине XV в. удельные центры, в которые назначались городчики, были присоединены неокончательно (т. е. предполагалась их отдача в удельное управление в дальнейшем), то в первой трети XVI в. вымороченные уделы становились неотчуждаемым владением великого князя.

Таким образом, городчики возникли в целях борьбы за внутреннюю централизацию. По тождественным причинам и почти целиком на тех же территориях, только в условиях нового этапа централизации, был создан в первой трети XVI в. институт городовых приказчиков. Социальная сторона рассматриваемого явления заключается в том, что именно дворянский аппарат местного управления оказался конкретным органом борьбы с политической раздробленностью.

В дальнейшем политическое значение института городовых приказчиков расширилось по сравнению с той противоудельной направленностью, которую он имел в первой трети XVI в. Однако посылка городовых приказчиков в 1534—1550 гг. в большее число городов, чем в первой трети XVI в., вряд ли объясняется только усилившимся в это время татарским натиском. Такое изменение роли городовых приказчиков, получение ими задачи борьбы с внешней опасностью, которая не стояла перед их подавляющим большинством в первой трети XVI в., должно было бы вызвать оформление городовых приказчиков прежде всего как военных комендантов. В действительности же происходило нечто обратное. Во-первых, сам Н. Е. Носов отмечает прекращение «городового строения» с 1538 г. вплоть до середины 40-х годов XVI в.[27]. Во-вторых, имен-

[22] Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 60—76.

[23] Городовые приказчики известны нам лишь в двух подвергшихся татарской агрессии местах: в Муроме в 1524 г. (там же, стр. 128—129) и в Вологодском уезде в 1521 г. (ЛОИИ, Собр. Головина, № 48).

[24] См указную грамоту 1522 г. вятскому наместнику. «Тр. Вятской ученой арх., ком., 1905 г.», отд. III, Вятка, 1905, стр. 81—82.

[25] «Памятники русского права», вып. IV, М., 1956, стр. 149.

[26] Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 39—40.

[27] Там же, стр. 75.

но в конце 30—40-х годах компетенция городовых приказчиков стала особенно разнообразной, видное место заняли в ней финансовые функции, военный профиль изучаемого института не только не уточнился, но сделался еще более расплывчатым.

Дворянский по своей классовой сущности институт городовых приказчиков получил широкое распространение и развитие в период реакционного боярского правления, ибо в условиях обострившейся классовой борьбы боярские временщики объективно были уже не в состоянии действовать без этого прочного местного аппарата, добивавшегося новыми, более эффективными и жестокими методами сбора налогов и выполнения натуральных повинностей. Все дошедшие сведения характеризуют городовых приказчиков в первую очередь как административно-финансовый орган местного управления. Деятельность же их в роли «военных комендантов» настолько не освещена в источниках, что говорить о ней конкретно весьма трудно. Поэтому не совсем убедительной кажется попытка Н. Е. Носова встать на точку зрения В. О. Ключевского, считавшего их «военными комендантами»[28]. Такой трактовке не помогает искусственное исключение натуральных повинностей из финансовой системы и рассмотрение принуждения к исполнению их в качестве «военно-административных», а не финансово-административных обязанностей городовых приказчиков, тем более, что сам Н. Е. Носов верно подметил модификацию в это время столь важной повинности как посошная служба, которая в первой половине XVI в. утратила свой чисто военный характер[29].

До сих пор остается неясной связь городовых приказчиков с центральными учреждениями и некоторыми еще распространенными в начале XVI в. старыми органами местного управления. Появившись сначала на удельных территориях, городовые приказчики были подчинены, видимо, территориальным дворцам, представлявшим в первой половине XVI в. тоже новейший аппарат централизованного государства, неизвестный в XV в. и знаменовавший окончательность присоединения последних уделов (в XV в. для управления присоединенными уделами не создавалось специальных учреждений). Следовательно, образование новых органов в центре и на местах шло рука об руку и даже хронологически одновременно (дворцы возникали после присоединения уделов). Затем городовые приказчики стали подчиняться Казне. Важность замены городовыми приказчиками дворских уже подчеркивалась в советской историографии[30]. Особенный интерес представляет история вытеснения из жалованных грамот формулы «соцкие и дворские» формулой «соцкие и десяцкие», означавшей реальную ликвидацию института дворских. Любопытно, что первые этапы этого вытеснения прослеживаются по жалованным грамотам на земли именно в тех уездах, где вводились городовые приказчики: Волоколамском, Зубцовском и др.[31].

У нас нет достаточно веских оснований для прямого отождествления во всех случаях упоминаемых источниками просто «приказщиков» с «приказщиками городовыми». Более того, грамоты наводят на мысль, что упоминаемые в них «приказщики» имели ограниченную компетенцию, т. е. их функции не распространялись на весь уезд, а касались только отдельных волостей[32]. Здесь мы подходим к гипотезе о «волостном» происхождении городовых приказчиков. Укрепление великокняжеской власти на местах началось с создания института волостных приказчиков, которые в процессе ликвидации последних уделов стали превращаться в «городовых», концентрируя в своих руках основные нити финансово-административного управления уездом. Поэтому, когда речь идет обо всем уезде, грамоты называют «приказщиков» и «городовых приказщиков» во множественном числе: «приказщики» имелись в разных волостях. Установление института «городовых приказщиков» сначала, вероятно, свелось к объединению в городе нескольких волостных приказчиков, становившихся главными, или «городовыми»,

---

[28] Там же, стр. 196, ср. стр. 16—18. В ограниченной роли военных комендантов середины XVI в. выступали, быть может, в некоторых пограничных городах на юге (Тула) и на северо-западе «городчики» и «городничии», которых вряд ли можно просто отождествлять с городовыми приказчиками.

[29] Там же, стр. 118—119.

[30] С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв., М.—Л., 1936, стр. 41; «Памятники русского права», вып. IV, стр. 162.

[31] «Памятники русского права», вып. IV, стр. 162.

[32] Таков, например, великокняжеский «приказщик» в переславских волостях Гулятино и Мишутино, указанный в грамоте 1530 г. (ЦГАДА, ГКЭ, № 8808 и ГБЛ, Тр., кн. 527, № 440; Обзор ГКЭ, вып. IV, № 1385).

в отличие от простых или волостных приказчиков. Отсюда уясняются причины терминологической путаницы в грамотах, относящихся к одному и тому же уезду, но касающихся разных его волостей: в некоторых из них могли еще оставаться волостные приказчики, хотя в уезде уже был создан институт городовых приказчиков [33].

Одним из доказательств «волостного» происхождения приказчиков служит вытеснение ими дворских, которые были не общеуездным, а волостным органом («соцкие и дворские»). Характер борьбы с уделами в XVI в., сводившейся часто к отвоеванию отдельных волостей, также подтверждает правдоподобность нашей гипотезы.

Термин «приказщики» для обозначения местной государственной администрации употреблялся в грамотах первой трети XVI в. В грамоте апреля 1514 г. упомянуты суздальские и нижегородские приказчики [34]. Появление приказчиков в этих областях, на наш взгляд, тесно связано с установлением в 1514—1515 гг. института городовых приказчиков в районах вымороченного Волоцкого удела. Дело в том, что всякое новое присоединение к великокняжеской «отчине» удельнокняжеских территорий вызывало серьезное недовольство князя Юрия Дмитровского, которого обычно поддерживали князья Шуйские [35]. Укрепляя свои позиции в волоцко-тверских землях, правительство, несомненно, было заинтересовано в нейтрализации этих могучих союзников Юрия, чем в значительной степени и объясняется создание системы великокняжеских приказчиков в районе родового гнезда Шуйских — Суздальской земле. Другие источники позволяют предполагать даже наличие какого-то заговора Шуйских около 1514—1515 гг. [36].

Очевидно, известные опасения вызывала у правительства в 1514—1515 гг. и судьба бывшего Белозерского княжества, которое как сравнительно недавно ликвидированное могло быть потребовано удельными князьями в качестве компенсации за отказ от выделения им доли волоцкого наследства. Во всяком случае, великокняжеский аппарат в Белоозере в 1515 г. заметно усилился, указная грамота конца 1515 г., посланная на Белоозеро, адресовалась специальным приказчикам — житничному и рыбному, в чьи функции входила, в частности, борьба с «лихими людьми» [37].

В грамотах Троицкому Селижарову монастырю и Клинской Изосиминой пустыни 1518 г. «приказщики» назывались в момент (или сразу после) получения Андреем Старицким его удела, когда крайне возросла опасность распространения власти Андрея на некоторые соседние со Старицей удельные волости, в том числе ржевские и клин-

---

[33] Грамота Троицкому Селижарову монастырю октября 1518 г. «Описание Троицкого Селижарова монастыря», Тверь, 1900, стр. 109—114 (Ржевский уезд); Грамота Клинской Изосиминой пустыни ноября 1518 г. «Акты, относящиеся до гражданской расправы в древней России», изд. А. Федотовым-Чеховским, т. 1, Киев, 1860, стр. 58 (Тверская земля). Особенно важна для обоснования этой гипотезы грамота февраля 1547 г. Спасо-Евфимьеву монастырю (ЦГАДА, ф. Спасо-Евф. монастыря, кн. 1, лл. 417—419об.). В ней сказано: «А к старостам к городовым и к волостным с соцкими и з десяцкими и с черными людьми ни в какие пошлины, ни в разметы... не тянут». Таким образом, здесь вместо дворских фигурируют старосты городовые и волостные. Если заменить слово «старосты» словом «приказщики», получится схема, указанная выше, причем, в этой грамоте она приобретает вполне конкретные формы, ибо документ относится как к сельским (волостным), так и к городским (дворам, слободам) владениям монастыря. Но формулярное (хотя и необычное) выражение «А к старостам...» в 1547 г. уже, видимо, не соответствовало реальной действительности, потому что в Суздальском уезде, например, функционировали «городовые приказщики», упоминаемые этой же грамотой. Цитированная формула отражает, скорее всего, положение дел, имевшее место несколько ранее, может быть, в первой трети XVI в., когда как раз в Суздальском (и Нижегородском) уезде были впервые введены новые «приказщики» (см. ниже, прим. 34), возможно, получившие и название «старост» (о преемственности функций «старост» и «приказщиков» см. ниже, прим. 37).

[34] «Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов», под ред. А. К. Кабанова. «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», вып. 3, ч. 1, Нижний Новгород, 1913, сб. т. XIV, стр. 10—11, № 4.

[35] Так, по-видимому, ими был инспирирован «мятеж» в Москве в 1510 г. в связи с опалой Юрия. (С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 289—290).

[36] С. М. Каштанов. Ограничение феодального иммунитета правительством Русского централизованного государства в 1-й трети XVI века. «Тр. МГИАИ», т. 11, М., 1958, стр. 289—290.

[37] РИБ, т. 32, № 87; Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 141. Еще в сентябре 1515 г. то же самое поручение давалось старостам, десятским и «всем хрестьяном» волостей Своары и Гнены Белозерского уезда (РИБ, т. 32, № 86).

ские. В сентябрьской грамоте 1525 г. фигурируют «приказщики... боровские»[38]. А именно в 1524 г. весьма активизировалась политика Андрея в соседнем Верейском уезде[39]. Следовательно, на этот раз введение приказчиков непосредственно обусловливалось необходимостью укрепления подступов к вновь созданному уделу. «Приказщики» в Рузском уезде упомянуты в грамоте Юрия 1529 г.[40], когда созданный по соседству удел Андрея Старицкого угрожал безопасности западной части Дмитровского княжества. Значит, появление «приказщиков» в Рузском уезде во второй половине 20-х годов XVI в. связано с удельно-княжескими противоречиями. Великокняжеский «приказщик» в переславских волостях Гулятино и Мишутино назван в августовской грамоте 1530 г.[41]. В связи с серьезными осложнениями во взаимоотношениях между Василием III и Юрием Дмитровским усиление местного аппарата в волостях, граничивших с Дмитровским уделом, имело тогда важное политическое значение.

Функции «приказщиков» первой трети XVI в. вырисовываются из источников недостаточно четко, однако ясно, что они отнюдь не носили исключительно военно-административного характера. Наличие «приказщиков» в пограничном Нижегородском и разоренном татарами Боровском уездах не изменяет общей оценки их (а равно и городовых приказчиков) как органов, возникших в ходе внутренней централизации страны, ибо подавляющее большинство «приказщиков» находилось в уездах, которые в первой трети XVI в. не подвергались татарским набегам.

Попытка проследить распространение «приказщиков», подтверждая наличие связи между установлением института «приказщиков» и «городовых приказщиков», с одной стороны, и борьбой за внутреннюю централизацию, с другой, дает, кроме того, материал для исследования социального аспекта этой проблемы централизации.

Как отмечалось нами ранее, в жалованных грамотах XVI в. формула, определявшая лиц, которые «учнут жити», претерпевала изменения: термин «люди» стал вытесняться из нее выражением «люди и крестьяне», «слуги и крестьяне» или просто «крестьяне»[42]. Это означало дальнейшее усиление юридической несвободы крестьян и отражало рост их закрепощения феодалами[43]. Самые ранние (1522—1524 гг.) случаи подобной эволюции указанной формулы касаются грамот на земли в уездах Суздальском, Нижегородском, Дмитровском и Звенигородском[44]. С этих районов (подмосковье, «ополье») и началась волна нового закрепостительного процесса в XVI в. Первые «приказщики» появились в тех же самых районах: в Суздальском и Нижегородском крае, возле Дмитрова (в переславских волостях) и Звенигорода (в Рузском уезде).

Следовательно, если встать на точку зрения «волостного» происхождения «приказщиков», уяснится их роль как органов, созданных в наиболее крепостнических районах для организации эффективной системы административно-финансового управления, которая потребовалась в условиях усиления, в ответ на рост феодальной кабалы и эксплуатации, классовой борьбы крестьян.

Таким образом, мы видим тесное переплетение централизаторских (в частности антиудельных) и закрепостительных мотивов перестройки местного аппарата управления.

* * *

В вопросе о создании так называемых губных органов хочется выделить два спорных момента: во-первых, территориальное распространение губной реформы в конце 30 — начале 40-х годов XVI в., во-вторых, причины проведения реформы боярскими временщиками. Н. Е. Носов в своей книге повсеместно подчеркивает всероссийский характер губной реформы в 1539—1541 гг.[45]. Однако эта точка зрения не имеет под собой фактических доказательств, за исключением общих ссылок на другие города в Псковской летописи и некоторых губных грамотах, хотя в белозерской и каргополь-

[38] М. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения, вып. II, Юрьев, 1897, стр. 3, № 3

[39] «Чтения ОИДР», 1898, кн. II, стр. 101—102, № 20.

[40] АФЗ и Х, ч. II, № 112.

[41] ЦГАДА, ГКЭ, № 8808; ГБЛ, Тр., кн. 527, № 440; Обзор ГКЭ, вып. IV, № 1385.

[42] «Памятники русского права», вып. IV, стр. 143.

[43] Там же, стр. 143—144.

[44] ЦГАДА, ф. Спасо-Евф. монастыря, кн. 1, л. 416; АФЗ и Х, ч. 1, № 92, 106, 109, 110.

[45] Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 246, 250—251, 275, 299.

ской грамотах указывается конкретно Новгород. Может быть, и в остальных источниках подразумеваются только соседние города? Источниковедческой предпосылкой вывода автора является попытка рассмотреть дошедшие губные грамоты по существу как случайный материал. Но все сохранившиеся губные грамоты данного хронологического промежутка относятся к определенной, а именной северной территории, к пределам бывшей Новгородской земли и пограничным с ней уездам. В то же время нет ни одной губной грамоты 1539—1541 гг., касающейся центральных или южных уездов. Это вскрывает какую-то закономерность и не дает права считать имеющиеся в наших руках губные грамоты случайным осколком документации губной реформы 1539—1541 гг., тем более, что другие акты и делопроизводственные документы подтверждают ту же закономерность. Из всех жалованных и указных грамот 1539—1541 гг., касающихся различных уездов государства, следы губной реформы отразили только грамоты на северные и северо-западные земли. Грамоты показывают широко проводившееся в это время на севере ограничение власти наместников и строгую регламентацию их деятельности [46]. Очень показательна парадоксальность заключительной формулы в грамоте 1541 г. белозерскому наместнику, который терял право участия в смесном суде: грамоту было предписано держать «вперед для прежних (!) наших наместников» [47]. Таким образом, сама возможность дальнейшего существования наместников в Белозерском уезде ставилась здесь под сомнение. Борьба за ограничение наместничьего управления на севере нашла отражение и в обычных разделах формуляра жалованных грамот 1539—1541 гг. [48].

По сравнению с постановлениями северных жалованных и указных грамот, грамоты 1539—1541 гг. на земли в других уездах не дают материала для суждения о реформе суда.

Большой интерес представляет несудимая грамота, выданная в ноябре 1541 г. Троице-Сергиеву монастырю на сельцо Матфеицово Бежецкого (Городецкого) уезда и несколько других монастырских владений в Бежецком и Ростовском уездах [49]. Дело в том, что сельцо Матфеицово входило в число троицких вотчин, получивших губное «самоуправление» по грамоте от 25 ноября 1541 г. [50]. В губной грамоте говорилось, чтобы монастырские люди сами обыскивали разбойников, «учинив» для этого приказчиков и «лучших людей». Несудимая же грамота отдавала суд по душегубным и разбойным делам в руки городецких волостелей и их тиунов. К сожалению, в несудимой грамоте не указан день ее выдачи, поэтому неизвестно, она ли отменяла действие губной грамоты в отношении Матфеицова или, наоборот, губная грамота аннулировала значение несудимой. Во всяком случае, наличие двух, появившихся в один и тот же месяц, противоречащих друг другу постановлений по поводу юридического статуса одного и того же села хорошо характеризует недостаточную четкость позиций правительства и показывает, насколько оно еще было не подготовлено для проведения губной реформы во всероссийском масштабе.

Последующие грамоты 40-х годов XVI в. тоже рисуют в основном территориально ограниченную картину борьбы за осуществление судебной реформы. На первом месте здесь документы, относящиеся к тем территориям, от которых дошли губные грамоты 1539—1541 гг. Акты отражают ограничение власти наместников в Соли Галицкой. Жалованная грамота, выданная Троице-Сергиеву монастырю в мае 1543 г., ясно показывает, что в районе Соли Галицкой городовые приказчики, являвшиеся контрольным органом губного управления, решительным образом вытеснили наместников из судебной сферы [51]. Может быть, особенно ярко о падении реальной власти наместничьего аппарата в Соли Галицкой свидетельствует заключительная часть грамоты 1543 г., где

[46] См. ЛОИИ, Собр. актов до 1613 г., № 1/129; РИБ, т. II, № 256, стлб. 1097—1099; ААЭ, т. I, № 193, стр. 170; РИБ, т. 32, № 146, стлб. 259—260; Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря, ч. III, М., 1836, стр. 3—7, № II.

[47] ААЭ, т. I, № 193, стр. 170.

[48] Отсутствие указания, кому платить виру в случае невыдачи душегубца, разрешение в статье о случайной смерти хоронить мертвого «без тиунов и доводчиков» (ГБЛ, Румянц., кн. 53, лл. 14—17об.) и даже отсутствие указания на степень несудимости («Вологодские епарх. ведомости», 1895, № 19, стр. 316—318).

[49] ГБЛ, Тр., кн. 519, лл. 39—40.

[50] ААЭ, т. I, № 194/II.

[51] ГБЛ, Тр., кн. 527, № 279.

сказано, как поступать в случае потравы монастырских лугов воеводами, князьями, боярами, детьми боярскими и вообще «всякими» ратными людьми. Судебные полномочия городовых приказчиков не распространялись на этих представителей нетяглого, привелигированного населения («управы им учинити не мочно и на поруки им не дадут») [62]. Но это вовсе не значило, что феодалы-нарушители и просто «ратные люди» попадали под контроль наместника. Об этом нет речи. Городовые приказчики должны были представить великому князю именной список подобных нарушителей. В соседних с Солью Галицкой землях правительство охотно принимало меры против наместников [53]. Отзвук губной реформы имеется в жалованной грамоте 1547 г. Вассиановой пустыни на земли в Каргопольском уезде [54].

Несомненно, уже в середине 40-х годов XVI в. губная реформа в какой-то мере затронула Двинский уезд. Видимо, в связи с ней Антониево-Сийский монастырь получил в феврале 1545 г. право полного судебного иммунитета [55]. Самовольство наместничьего аппарата подвергалось настойчивым стеснениям в Вологодском уезде. В жалованной грамоте 1542/43 г. Вологодскому Комельскому монастырю [56] в числе непрошенных гостей, от которых освобождались пиры и братчины в монастырских вотчинах, указаны волостели и их тиуны, что довольно необычно для этой статьи заповедных грамот.

Впрочем, свидетельства грамот на земли в северных уездах, где в 1539—1541 гг. не были учреждены губные органы, заметно отличаются от показаний белозерских, каргопольских, солигалицких грамот. По сравнению с последними углицкие, устюжские и некоторые другие грамоты показывают еще сохранение в руках наместников и их агентов права суда в разбойных делах [57].

Значительное расширение сферы действия судебной реформы наблюдается только в 1547—1548 гг. Реформа охватила территории некоторых ликвидированных уделов к северу от Москвы (уезды Углицкий, Кашинский, Дмитровский). В апрельской и сентябрьской грамотах Никольскому Песношскому монастырю 1547 г. на земли в Дмитровском и Кашинском уездах говорилось: «А случится суд сместной монастырским людем с волостными людьми о разбое или о татьбе с поличным, и которого в том уличат волостного или монастырского, и они тогда виноватого казнят или продадут с волостелем с одного» [58]. Аналогичное постановление содержится в мартовской грамоте 1548 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на вотчины в Белозерском, Вологодском, Углицком и Дмитровском уездах, но в ней было предписано докладывать о результате смесного суда «в разбое и татьбе с поличным» царю или его дворецкому [59]. В белозерской грамоте 1548 г. постановление, касающееся смесного суда, согласуется с изъятием из монастырской юрисдикции суда лишь по душегубным делам. В песношских грамотах имеется явное несоответствие между приведенной новой статьей и формулой, отдающей в руки наместников право суда не только по душегубным, но и по разбойным делам. Вследствие того, что новая формула лишала наместников права единоличного суда «в разбое и татьбе с поличным», ее можно считать направленной

---

[52] Несколько странной представляется попытка Н. Е. Носова доказать цитатами из этой грамоты наличие у городовых приказчиков права наводить порядок во взаимоотношениях между местным населением и «ратными людьми» (Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 132).

[53] В октябрьской жалованной грамоте 1545 г. светским землевладельцам Галицкого уезда Корандашевым деятельность наместников характеризовалась исключительно резко: «их крестьян наши наместники продают». Выдавая Корандашевым несудимую грамоту «от наместников», правительство, очевидно, серьезно ограничивало произвол галицких наместников (А. Юшков. Акты XIII—XVII вв., ч. 1, № 146).

[54] АИ, т. I, № 147.

[55] «Сборник ГКЭ», т. I, Пг., 1922, № 109.

[56] Амвросий. История российской иерархии, ч. III, стр. 286—295.

[57] ААЭ, т. I, № 206/I, 206/II, грамоты 1546 г.: в белозерской грамоте не названы «обыщики» — агенты наместников, а в углицкой названы); М. Островская. Земельный быт сельского населения русского севера в XVI—XVIII веках, СПб., 1913, стр. 315—316, прим. 2 (грамота мая 1547 г.); См. также АИ, т. I, № 141 (грамота Николаевскому Корельскому монастырю на владения в Двинском уезде).

[58] К. Ф. Калайдович. Историческое и топографическое описание монастыря св. чудотворца Николая, что на Пешноше, М., 1837, стр. 110—116 и сл., № III—IV.

[59] ЛОИИ, Собр. Шегрена, № 6.

против наместников, ограничивающей их судебные полномочия[60]. Жалованные грамоты 1547—1550 гг. на владения в северных уездах и в пределах недавно ликвидированных уделов к северу от Москвы (Дмитрово-Кашинский, Углицкий и др.) расширяли судебный иммунитет до осключения из него только суда по душегубству, а иногда даже предоставляли права вотчинной юрисдикции в их полном объеме.

Не вызывает сомнений обусловленность реформы 1547—1550 гг. взрывом острой классовой борьбы в городе и деревне. Ведь именно от этих лет сохранились многочисленные летописные и другие известия, характеризующие особенно напряженную борьбу народных масс против феодального гнета и насилий правительственного аппарата.

Таким образом, расширение в конце 40-х годов XVI в. сферы действия судебной реформы (охват большего круга территорий) и характер ее распространения (в направлении с севера на юг, по следам ликвидированных уделов) подтверждают мысль о территориальной ограниченности губной реформы 1539—1541 гг. Распространение в 1547—1548 гг. судебной реформы на территорию недавних уделов соответствовало первоначальному замыслу губной реформы. Губная реформа конца 30—40-х годов осуществлялась не просто в северных землях, а в районах бывших самостоятельных и полусамостоятельных государственных образований (Белоозеро с Каргополем, Соль Галицкая, Вятская земля, т. е. часть прежней Новгородской республики, Бежецкий, Старицкий и Новоторжский уезды, из которых два последних еще в 1537 г. были опорными пунктами Андрея Старицкого). При исследовании проблемы классовой борьбы в первой половине XVI в. становится особенно ясной необходимость учета удельных традиций, отражающих в конечном итоге неравномерность экономического и политического развития разных областей страны, неравномерность развития классовой борьбы. Несомненна тесная взаимосвязь между вопросами укрепления в составе централизованного государства присоединенных районов и подавлением в них классовой борьбы эксплуатируемых.

Мы располагаем еще одной системой доказательств в пользу этого тезиса. Оказывается, статья жалованных срочных грамот[61] о лихих людях, татях и разбойниках, имеет определенное территориальное приурочение. В срочных грамотах первой половины XVI в. обнаруживаются две формулировки, провозглашающие право правительства нарушать установленные грамотами сроки вызова в великокняжеский суд населения привилегированных владений, что было обусловлено прежде всего усилением социального брожения в областях, где находились объекты пожалования. Формула, которую мы условно назовем первой, лишь констатирует право государства нарушать сроки и не упоминает «лихих людей», хотя иногда указывает, что имеются в виду дела о душегубстве, разбое и татьбе с поличным. Нам известно шесть случаев ее употребления в жалованных грамотах первой половины XVI в. Две самые ранние из них относятся к 1522 г. и касаются углицких земель[62]. Обе грамоты были выданы монастырям сразу после уничтожения Углицкого удела (Дмитрий Углицкий умер в 1521 г.) в целях закрепления присоединенной территории в составе великого княжества. По сходным причинам получил жалованную грамоту Покровский Углицкий монастырь в январе 1534 г., непосредственно вслед за арестом Юрия Дмитровского. Грамота касалась земель в Углицком, Бежецком, Ярославском уездах[63]. Близкие к этой формуле статьи попали в две владимиро-суздальские грамоты: сентябрьскую Василия III 1526 г. митрополиту Даниилу на владения в Опольском стане Суздальского уезда и декабрьскую Ивана IV 1535 г. бортникам волости Талши Владимирского уезда[64].

---

[60] В мартовской грамоте 1548 г. Кирилло-Белозерскому монастырю регламентировалась также деятельность недельщиков и обыщиков.

[61] В срочных грамотах фиксировалось число сроков (не более трех), когда жители иммунитетных владений могли вызываться в великокняжеский суд по тяжбам с посторонними лицами.

[62] Январская грамота Василия III Троице-Сергиеву монастырю на село Прилук Углицкого уезда («Чтения ОИДР», 1898, кн. 1, стр. 4—5, № V) и июньская грамота Кассиано-Учемскому монастырю на углицкие вотчины (ГБЛ, Акты Беляева, № 1/36, подлинник). В ААЭ (т. I, № 171, стр. 140) содержание грамоты искажено: «и им на те сроки не ставитись» вместо «и им на те сроки ставитись».

[63] «Ярославские губернские ведомости», 1855 г., часть неофициальная, № 48, стр. 435—436.

[64] АФЗ и Х, ч. 1, № 162, стр. 144; Государственный архив Владимирской области, ф. 575, № 1, лл. 19—20об.

Наконец, аналогичная по существу статья содержится в грамоте, выданной в октябре 1547 г. попам звенигородских дворцовых сел Любанова, Кляпова, Васильевского и Зверевского [65]. Таким образом, рассматриваемая формула появилась сначала в грамотах, касавшихся присоединенного Углицкого удела и тех суздальско-владимирских территорий, где было особенно сильно влияние князей Шуйских, наиболее могущественных сторонников удельного князя Юрия Дмитровского. Жалованная грамота 1526 г. митрополиту Даниилу возникла в момент крайнего обострения взаимоотношений между Василием III и Юрием. Декабрьская грамота 1535 г. талшенским бортникам была составлена также в весьма сложной обстановке, когда в связи с казанско-московским конфликтом особое значение приобрело укрепление феодального правопорядка во Владимирском уезде, находившемся на пути к Казани. Выдача грамоты 1547 г. попам звенигородских дворцовых сел вошла в широкий круг правительственных мероприятий второй половины 1547 г., направленных на подавление классовой борьбы в центре государства, главным образом в бывших удельных волостях Московского уезда и в пределах незадолго до того присоединенного Дмитровского княжества. Следовательно, включение в жалованные грамоты этих статей связано с историей подавления классовой борьбы прежде всего в присоединенных уделах и районах землевладения тех крупнейших бояр, которые представляли собой опору удельных князей. Кроме того, мы видим здесь и другое совпадение. Рассматриваемые статьи (разновидности первой формулы) относились к территориям, где, как свидетельствует уже упоминавшаяся эволюция формулы «хто учнет жити...», с 20-х годов XVI в. усиливалось закрепощение крестьянства («ополье», Звенигород и др.). Это показывает, с одной стороны, территориально ограниченное распространение первой формулы, а с другой стороны, дает позитивные (дополняющие негативные, «от умолчания») доказательства того, что жалованные грамоты первой половины XVI в. на земли в центральных уездах не содержали выражения «лихие люди, тати и разбойники», имеющего непосредственное отношение к проблеме губной реформы.

Присоединение последних уделов сопровождалось довольно резким увеличением феодального гнета. Во-первых, во главе централизованного государства стояло правительство самых крепостнических районов страны, которое спешило в присоединенных землях усилить крепостничество, т. е. удовлетворить интересы большинства представителей господствующего класса вновь присоединенных территорий, особенно дворянства, опоры центральной власти. Во-вторых, выполнение налоговых требований центрального правительства вызывало крайнее напряжение финансовых сил тяглого населения. Все это стимулировало развитие классовой борьбы в присоединенных уделах.

Формулу срочных грамот, оперирующую понятием «лихие люди, тати и разбойники», мы условно назовем второй. Впервые она появилась в январской грамоте 1524 г. Симонову монастырю, касавшейся монастырских вотчин в Углицком и Бежецком уездах: «оприч лихих людей татей и разбойников; а в лихих делех, в татьбах и в разбоех по их крестьян ездят наши недельщики з записью и на поруку их дают безсрочно» [66]. Она повторена в ноябрьской грамоте 1535 г. Симонову монастырю на галицкие и костромские вотчины [67], а также (с некоторыми изменениями) в сентябрьской грамоте 1531 г. Корнилиеву Комельскому монастырю на вотчины в Вологодском уезде [68], в январской грамоте 1547 г. Никольскому Коряжемскому монастырю (на се-

---

[65] ГИМ, ОПИ, Собр. Барсова, № 48987/4; АИ, т. 1, № 149.

[66] ЦГАДА, ГКЭ, № 1149; ГИМ, Симоновская кн. 58, лл. 317—320об.

[67] ЦГАДА, ГКЭ, № 3349; ГИМ, Сим. кн. 58, лл. 664—668; Н. Е. Носов упоминает эту грамоту, но под 1536 г. (Указ. соч., стр. 231, прим. 67). Автор характеризует статью о лихих людях как часть несудимого раздела грамот. В его изложении получается, что формула относительно лихих людей прибавлялась к статье, определяющей степень изъятия населения монастырских вотчин из наместничьей юрисдикции (стр. 231). Это противоречит содержанию источников. Статья, касающаяся полномочий наместников, имела в виду тяжбы между крестьянами иммунитетной вотчины и никогда не соединялась с формулой о лихих людях, которая помещалась в срочном разделе грамот, где устанавливалось число сроков вызова крестьян грамотчика в великокняжеский суд для тяжб с посторонними лицами. Поэтому вывод автора об ограничении власти наместников при помощи формулы, посвященной лихим людям, представляется недоказанным.

[68] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 90; ГБЛ, Румянц., кн. 53, лл. 3—7.

вере) [69], в ноябрьской грамоте 1548 г. Новодевичьему монастырю на вотчины в уездах Новгородском и Бежецком [70], в жалованной грамоте 1551 г. Путивльскому Спасо-Преображенскому монастырю на земли в Путивльском и Новгород-Северском уездах [71]. Грамота 1551 г. была выдана по грамоте Василия III, возникшей скорее всего в 20-годах XVI в., после присоединения Новгород-Северского удела князя В. И. Шемячича (1522 г.).

Таким образом, перечисление всех известных случаев применения второй формулы свидетельствует о том, что она вносилась в грамоты на северные окраинные территории, сохранявшие живые следы прежней автономии (уделы Углицкий, Бежецкий, Вологодский, Галицко-Костромской, Новгородская земля, на юге Новгород-Северский удел).

То же территориальное приурочение имеет еще реже встречающаяся в жалованных грамотах формула относительно неперезыва лихих людей, татей и разбойников, впервые появившаяся также в 1524 г. В льготной грамоте апреля 1524 г. Наумке Кобелю с товарищами на черный лес в Двинском уезде сказано: «и людей к себе звати... нетяглых и неписменных, добрых, а не ябедников, и не татей и не разбойников; а письменных, тяглых да и лихих людей, татей и разбойников или ябедников, которые из которых городов и из волостей выбиты, и тех им к себе не принимати» [72]. Эта формула повторена в августовской грамоте 1538 г. Симонову монастырю на монастырские галицко-костромские вотчины и, в частности, галицкие соляные варницы [73]. Лихих людей, татей и разбойников упоминают указные грамоты сентября 1513 г. и декабря 1515 г. [74], касающиеся Белозерского уезда. Выдержки из житийных и летописных источников, приведенные в книге Н. Е. Носова, рассказывают об особенном усилении классовой борьбы в уездах Пошехонском, соседнем с Белозерским, Новгородском, Псковском [75]. Наконец, Судебник 1497 г., в который включена статья относительно «ведомых лихих людей», появился вскоре после присоединения Белозерского и Углицкого удельных княжеств. Может быть, постановление против лихих людей попало в Судебник под влиянием классовой борьбы, развернувшейся в то время шире всего именно в Белозерском крае и смежных с ним северных уездах.

Итак, обзор источников, посвященных различным районам государства, позволяет сделать вывод, что лихие люди, тати и разбойники, т. е. объект преследований со стороны губных органов, фигурируют почти исключительно лишь в документах, касающихся северных территорий, причем главным образом тех, от которых дошли губные грамоты 1539—1541 гг. (уезды Белозерский, Бежецкий, Соль Галицкая и др.). Это дает нам право решительно отрицать всероссийский характер губной реформы 1539—1541 гг. Губная реформа была обусловлена в конечном итоге процессом закрепощения крестьянства. Очевидно, во второй половине XV — первой половине XVI в. в северные уезды, менее заселенные и менее крепостнические, бежало большое количество крестьян. Недаром грамота 1524 г. Наумке Кобелю и грамота 1538 г. Симонову монастырю упоминают людей, «выбитых» из других городов и волостей.

---

[69] ЛОИИ, ф. Коряжемского монастыря, № 6.

[70] Эта грамота сгорела во время татарского набега 1571 г. и известна в пересказе грамот 70-х годов XVI в. Точная ссылка на дату ее выдачи имеется в грамоте 1573 г., касающейся владений монастыря в Обонежской пятине Новгородского уезда (П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, М.— Л., 1950, стр. 455—461). Более глухое упоминание о прежней грамоте имеется в жалованной грамоте 1571 г. тому же монастырю на владения в уездах Бежецком, Кашинском, Дмитровском, Клинском, Вяземском, Верейском, Звенигородском, Оболенском, Ростовском и Московском (ГПБ, Собр. актов и грамот, № 156). Ясно что в грамоте 1548 г. некоторые из этих уездов не назывались (например, Верейский, находившийся тогда в уделе у В. А. Старицкого). Кроме того, здесь фигурируют главным образом уезды, на которые, как было выяснено выше, распространялась в 1547—1548 гг. судебная реформа: удельные территории к северу от Москвы. Около половины перечисленных в этой грамоте земель входило в пределы бывшего Дмитровского княжества (Дмитров, Кашин, Звенигород, Оболенск).

[71] ЦГАДА, ф. 124, б/н; ф. 125, б/н; ГБЛ, Румянц., кн. 62, лл. 71—73; см. «Черниговские епархиальные известия за 1861 г.», прибавл. к № 5.

[72] ААЭ, т. I, № 385.

[73] ЦГАДА, ГКЭ, № 3352; ГИМ, Сим., кн. 58, лл. 671—673.

[74] ААЭ, т. I, № 157, 161; РИБ, т. 32, № 86—87.

[75] Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 210—211, 213 и др., 224.

В историографии крестьянского вопроса издавна и широко распространена тенденция рассматривать всякие сведения середины XV—XVI вв. о закрепощении крестьян как признак усиления феодального гнета в пределах всей России. В подавляющем большинстве случаев это подкрепляется документами, относящимися к северным уездам, реже — к южным и почти никогда — к центральным. Нам кажется, что подобный подход проистекает из недооценки большой степени развития крепостного права в центральных уездах Руси в XIV—XV вв. Развитие крепостничества, протекавшее неравномерно в разных районах государства, очевидно, дало самые быстрые результаты в пределах Московского великого княжества, где уже к началу XV в. сформировалась категория крестьян-«старожильцев», «крепких земле». Затем стало активно проводиться закрепощение русского крестьянства на севере. В самом деле, первые (середины XV в.) грамоты об ограничении крестьянских переходов неделей до и после Юрьева дня относятся к северным княжествам — Белозерскому, Бежецкому и Ярославскому [76]. Новизна крепостнических отношений на русском севере определила особенное обострение там классовой борьбы в начале XVI в.

Проведение губной реформы на севере хронологически совпадает с усилением в северных уездах юридических основ крепостного права. В жалованных грамотах на северные территории замена слова «люди» выражением «люди и крестьяне» или «крестьяне» в упоминавшейся нами формуле «хто учнет жити...» стала производиться с 1538 г. Она широко прослеживается по актам 1538—1555 гг., касающимся земель в уездах Вологодском, Белозерском, Тотемском, Устюжском, Ярославском, Кашинском, Бежецком, Двинском, Новгородском [77].

Таким образом, сущность губной реформы состояла прежде всего в попытке подавить классовую борьбу тех слоев населения русского севера, которые активно сопротивлялись закрепощению.

Сопоставление всех рассмотренных явлений приводит нас к следующему выводу: чем позднее начиналось усиление крепостного права в определенных районах, тем более жестокие формы оно принимало, тем более активную классовую борьбу вызывало и требовало от правительства наиболее эффективных средств подавления борьбы эксплуатируемых.

Дворянский характер губной реформы не исчерпывался ее классовой сущностью. При учреждении губных органов, вытеснявших наместников, дело изживания остатков феодальной раздробленности поручалось непосредственно дворянству. Таким образом, с точки зрения централизации государства губные органы имели много общего с институтом городовых приказчиков первой трети XVI в. Неудивительна поэтому главенствующая роль городовых приказчиков в органах губного управления.

Важное значение имеет вопрос о том, кому принадлежала инициатива проведения губной реформы — правительству Елены Глинской или последовавшему за ним правительству Шуйских. Н. Е. Носов связывает начало реформы не с мероприятиями правительства 1539 г., издавшего первые губные грамоты, а с деятельностью правительства Елены Глинской. При этом общей предпосылкой его доказательств является мысль о прогрессивности правительства Елены Глинской и реакционности Шуйских, а основными фактическими доказательствами — прекращение упоминаний в разрядах с сентября 1537 г. И. Д. Пенькова, возглавлявшего в 1539 г. губное ведомство в центре (автор считает, что он уже в конце 1537 г. стал начальником коллегии «бояр, которым разбойные дела приказаны»), ссылка правительственного наказа 1646 г. на

---

[76] «Памятники русского права», вып. III, М., 1955, стр. 93—94.

[77] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 90; Амвросий. История российской иерархии, ч. III, стр. 283—286, 286—295, 714—723; ч. IV, М., 1812, стр. 706—711, № II; стр. 89—95; Н. Румовский. Описание Великоустюжского Успенского собора, Вологда, 1862, стр. 67—70; В. П. Шляпин. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря, ч. 1, Великий Устюг, 1912, стр. 56—57; «Сборник Муханова», изд. 2, М., 1866, стр. 568—569, № 280; И. А. Вахрамеев. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. 1, М., 1896, № XV, XX; ЦГАДА, ф. Калязина монастыря, кн. 4, № 106, 160; ГИМ, Сим., кн. 58, лл. 181—183об.; ЦГАДА, ГКЭ по Бежецку, № 123/1227; ГБЛ, Тр., кн. 519, лл. 39—40; «Сб. ГКЭ», т. I, Пг., 1922, № 137а; т. II, Л., 1929, № 118а; ГБЛ, Акты Беляева, № 1/87.

судебник «7047» (1538/39 г.) и состав дьяков, подписавших губные грамоты[78]. Первое доказательство неубедительно по следующей причине. Если связывать губную реформу лишь с центральным органом, т. е. с коллегией «бояр, которым разбойные дела приказаны», то ее можно отнести не только к правлению Елены Глинской, но и к времени Василия III. Упомянутая вологодская грамота 1531 г. ясно указывает: «тех людей, что есми своим бояром приказал обыскивати лихих людей, татей и разбойников» (разрядка наша.— *С. К.*). Спорно и второе доказательство. После обстоятельного исторического (И. И. Смирнов)[79] и палеографического (А. А. Зимин)[80] анализа материалов с известиями 1646 г. трудно настаивать на существовании судебника или уложения 7047 г. Кроме того, даже допуская возможность такого указа, его никак нельзя приписать Елене Глинской, умершей 3 апреля 1538 г. «Указ» же «7047» должен датироваться между сентябрем 1538 и августом 1539 г., а так как уже с 22 октября 1538 г. Шуйские господствовали самовластно, вероятнее всего отнести издание «указа» к времени их правления. Анализом состава дьяков, как и более беглыми ссылками на бояр, находившихся в правительстве во время проведения губной реформы, Н. Е. Носов стремится показать, что губная реформа осуществилась в период реакционного правления Шуйских только вследствие сохранения в правительственном аппарате сторонников централизаторской политики Василия III и Елены Глинской, т. е. правительственный аппарат продолжал (по инерции?) дело, начатое еще прогрессивными правительствами[81]. Создается впечатление какой-то противоположности между верхушкой правительства и центральными правительственными органами, независимыми от нее. Однако ближайшее рассмотрение состава дьяков, подписавших губные грамоты, не свидетельствует в пользу такой гипотезы. Из числа шести дьяков, по мнению Н. Е. Носова, тесно связанных с правительством, осуществлявшим централизаторскую политику, нужно исключить двух (Ф. Семенова и Б. Щекина), которые к реформе 1539—1541 гг. не имели отношения и подписали губные грамоты в 1549 г. Оставшиеся четыре дьяка совсем не предстают в виде активных деятелей времени Елены Глинской. Д. Выродков был возвышен только в 1539 г., при Шуйских. Аф. Бабкин вообще неизвестен при Василии III и Елене Глинской. Меньшой Путятин действительно работал в правительственном аппарате Василия III, но в годы регентства его влияние ослабло и возродилось вновь сразу после октябрьского переворота 1538 г., совершенного Шуйскими[82]. Более видное положение в период регентства занимал, вероятно, только один из этих четырех дьяков — Макарий Федоров, подписавший в 1537 г. уставную грамоту бобровникам Ильмехотского стана. Таким образом, документация губной реформы оформлялась дьяками, возвышенными руководством правительств конца 1538—1541 гг.

Нас не должно удивлять то, что губная реформа была осуществлена боярскими временщиками, а не правительством Елены Глинской. В обстановке обостренной классовой борьбы на севере боярские временщики видели единственный выход из положения в создании дееспособных дворянских или контролируемых дворянами органов местного управления.

---

[78] Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 292—299, 301—304, 315—324.
[79] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г. «Исторические записки», т. 24, стр. 275.
[80] «Памятники русского права», вып. IV, стр. 556.
[81] Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 297—299, 325.
[82] И. А. Вахрамеев. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. 1, М., 1896, стр. 5—6, № IV. Он занял место убитого Ф. Мишурина, которого ненавидели Шуйские.